

О МЕНТАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МЕТОНИМИИ И КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

(на примере образной номинации и концептуализации в сфере возраста)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-14-63002)

Признание существования невербального мышления связано с открытием роли единиц универсального предметного кода (единиц УПК) как в процессе мышления, так и в обработке и хранении знания в ментальном пространстве. «Такой предметный код представляет собой универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» [Жинкин 1998: 159]. «Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код, концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И. Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С. Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил Н.И. Горелов» [Попова, Стернин 2007: 39]. Как считают З.Д. Попова и А.А. Стернин вслед за Н.И. Жинкиным, «единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нём рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикреплённые» к ним рациональные знания» [Попова, Стернин 2007: 40].⁷

⁷ Сошлёмся на формулировки Н.И. Жинкина: «...механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задаётся, во втором она передаётся и снова задаётся для первого звена. Именно эта двухзвенность механизма человеческого мышления резко отличает его от искусственных устройств с применением формально-логических средств переработки поступившей информации» [Жинкин 1998: 159-160]. И далее: «Гипотезу двухзвенности языка внутренней речи подтверждают не только экспериментальные факты, но и тривиальные наблюдения над формами общения людей, показывающие, что понимание, т.е. приём сообщений, следует рассматривать как перевод с одного языка на другой. При этом одним из этих языков должен быть язык изображений, так как именно из них составлена первая, чувственная ступень познания действительности». [Там же: 162]

Для абстрактных сущностей сферы человека основной единицей УПК является образ человека (представление о человеке). Этот факт порождает ряд языковых явлений, которые на первый взгляд – с точки зрения собственно лингвистической систематики этих явлений – друг с другом не связаны. Между тем именно связью с одним и тем же ментальным представлением объясняется **регулярное проявление** в сфере человека **лексической метонимии** (переноса названия с любой «части» человека на человека как целое), **олицетворения** в качестве базовой метафоры, концептуализирующей эту сферу, и **переноса определений** с человека на любую его «часть».

Все эти языковые явления, таким образом, имеют когнитивную природу и обусловлены одним фактором – осмыслением различных феноменов сферы человека (души, чувств, мыслей, моральных сущностей, состояний организма, качеств, действий, отношений) как неких «частей» человека, т.е. *смежных с ним* феноменов сквозь призму представления о человеке.

Продемонстрируем сказанное на примере образной номинации и концептуализации возраста человека.

Понятие возраста – это условное абстрагирование от представления о человеке соответствующего возраста. Данное абстрактное понятие сохраняет связь с конкретным представлением о человеке на когнитивном уровне – обобщённый образ человека служит единицей УПК, кодирующей знания о человеке в совокупности его свойств и сторон. Иначе говоря, абстрактное понятие возраста человека и образное представление о человеке тесно связаны в рамках когнитивной структуры гештальта (гештальт «человек»).

Эта связь оказывается основополагающей для образной концептуализации возраста: предопределяет выбор лексических средств для косвенной номинации носителя возраста и ключевого образа метафорической концептуализации возраста. В проекции на язык и речь это выражается в тесной взаимосвязи трёх процессов. Их общая обусловленность связью с одним и тем же гештальтом на когнитивном уровне даёт основание для их осмысления во взаимосвязи. **Лексическая метонимия** (перенос слова-названия с возраста человека на человека), **олицетворение** как разновидность метафоры, концептуализирующей возраст (перенос представления с человека на абстрактное понятие возраста), и **перенос определения** с обозначения человека на обозначение возраста человека базируются на связи двух феноменов – человека и его возраста и представляют собой фрагменты **единой картины**.

Обозначенные процессы направляются работой когнитивного бессознательного: перенос существительных и прилагательных, а также выбор ключево-

го образа для метафорической концептуализации возраста относятся к неосознаваемым процессам.

Перейдём к доказательству изложенных положений.

Слово *возраст* в Большом толковом словаре имеет лишь одно значение, связанное с человеком: «Количество прожитых лет; период в жизни человека, животного». Соотносительные с этим словом и между собой названия возрастов *детство*, *юность*, *молодость*, *зрелость* и *старость* имеют в данном словаре разное количество значений, связанных с человеком: слова *детство* и *старость* имеют по одному значению, слова *молодость* и *зрелость* – по два значения, слово *юность* – три значения. Все вторичные значения являются метонимически производными по отношению к исходному, прямому значению. Общий для всех пяти слов ЛСВ «тот или иной возраст человека» в значении слов *юность*, *молодость* и *зрелость* дополняются лексико-семантическим вариантом «существительное к соответствующему прилагательному», а значение слова *юность* включает дополнительно лексико-семантический вариант «юношество» (собирательное обозначение совокупности лиц этого возраста).

Между тем, как показал анализ, проведённый на материале, извлечённом из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), в сфере названных лексем наблюдается регулярная многозначность – образование вторичного метонимически производного значения «лица соответствующего возраста», различающегося у разных слов частотностью в речи. Показательна в этом отношении иллюстрация, приводимая в Большом толковом словаре (в статусе не самостоятельного значения, а речевого употребления), в которой даже слово *возраст* получает вторичный ЛСВ «люди определённого возраста»: *Любви все возрасты покорны* (Пушкин) = люди всех возрастов, любого возраста. Добавим к этому распространённое в рекламной и обиходной речи выражение *Одежда (обувь) для всех возрастов*, означающее одежду или обувь разных размеров, предназначенные для людей любого возраста.

Однако, по данным словаря, лишь слово *юность* имеет метонимически производное значение «люди соответствующего возраста» (собирательное обозначение лиц юного возраста – «юношество»). Таким образом, словарь фиксирует системный факт метонимического переноса имени *юность* со свойства (возраста) на носителя этого свойства – лицо. Приведём примеры: *Теперь ты понял, что смерть приходит не только за стариками. Смерть с удовольствием подкарауливает юность* (Д. Липскеров); *У побоища не было последствий: никто не мог вспомнить, кто кому и под какой яблоней перебил позвоночник или теменную кость. Сильная юность, как это ни парадоксально, пуглива пе-*

ред лицом жизни. *И с радостью утверждает себя, сбиваясь в стаи и топчя слабого. Кто не понимает этого, не понимает истории: с этой злой энергией покорена Сибирь, на ней танки вермахта въехали в Париж. Весь вопрос в том, как ее используют правители* (В. Ширяев).

Такое употребление слова *юность* обычно представляет собой обобщённую характеристику лиц юного возраста с указанием на типичные для них психологические черты и особенности поведения: *Другое [место] занимал загорелый белобрысый паренек в очках и с бородкой: сразу видно – активист радикального студенческого движения за право учащихся посещать преподавательский буфет или компьютерный гений. Что ж, юность всегда мнит себя венцом умственного совершенства и вершиной посвящения в тайны прекрасного, только потом до неё доходит, что по градусу идиотизма она ничуть не уступает зрелости. Но когда она это понимает, она уже не юность* (П. Крусанов); *Я знаю, что юность жестока, дерзка, непослушна, легкомысленна, безответственна, и знаю тебя, и знаю, что при всем при этом против моей воли ты не пойдешь, но я не могу, не смею нанести тебе рану!* (Т. Окуневская); *Впрочем, юность всегда видит и суть и причину в конечном, хочет простого – смеяться, любить, нежно играет с петлею подплечной* (В. Пелевин); *Вот что значит юность, которая за напускным цинизмом прячет где-то-как-то-по-большому счету ранимую душу* (Е. Попов); *...она укатила с бой-френдом на юг... (к сороковинам, то есть максимум – завтра, Женя обещала вернуться, но юность есть юность, родства не помнящая!)*... (М. Вишневецкая); *А после боя сутками отлеживались в шалашах, и тело их ломала нерастраченная ярость. ...Юность слепнет от славы, но он мечтал о власти и не ослеп* (Б. Васильев).

Кроме того, нами отмечено использование слова *юность* для обобщённого обозначения лиц одного поколения, имеющих общую судьбу: *В первые дни Великой Отечественной войны на фронт добровольно ушли 15 тысяч вайнахов. Они были среди тех, кто принял первый удар оккупантов в Брестской крепости, с теми, кто сражался на землях Белоруссии и Украины, кто прошел всю Европу дорогами войны. Юность сороковых годов, верная традициям и законам гор, не посрамила священную память наших предков! Сколько тысяч юношей с гор Ингушетии, не задумываясь, предпочли смерть измене Родине. Все они <...> вписали свои имена в бессмертную летопись народной памяти («Жизнь национальностей»);*

и даже для обозначения конкретного лица (в данном случае говорящего): *На реях мачт, широко расставив ноги, застыли курсанты в парадной черно-*

белой форме. Сердце мое защемило, и в носу подозрительно защеколало. Я вспомнил наш первый зимний отход из Балтийска во вьюжном и морозном декабре 1961 года. На минуту показалось, что это не **они**, а **я сам**, моя глупая и наивная салажная **юность**, **упрямо верящая** в чудеса и приключения, **возвращается** из океана, открыв свою Америку (А. Городницкий).

Вместе с тем материал показывает, что образование ЛСВ «лица определённого возраста» характеризуется регулярностью: лексемы *детство*, *молодость*, *зрелость* и *старость* в речи также развивают данный ЛСВ.

ДЕТСТВО: *К середине лета приладилась рыбачить с мальчишками, они брали ее с собой на понтон, на приволье варила пацанам уху, болтала с ними, обнимала детство* (А. Иличевский); *Кукуш крякнул: «Ну, Янька, ты даешь!» – и стал со своим сыном не спеша, но решительно удаляться от Тушинского в сторону своей жены Любви, а та <...> удалялась к своему корпусу вместе с Анной Эр и Миррой Ваксон, которые за ручки тащили сопротивляющееся детство* (В. Аксенов).

МОЛОДОСТЬ: *Молодость ест* пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насыщенный; а придёт время – и хлебца попросишься (И. Тургенев); *Здесь уже никто не знал его, и сделалось Бухарбаю легче. Молодость скоро проживает своё горе. Нанялся Бухарбай в простые пастухи к богатому киргизу Цацгаю...* (Д. Мамин-Сибиряк); *Молодость выдерживает все – и стрессы, и нарушение режима сна и бодрствования, нерегулярное питание, ночные пьянки, нечеловеческое напряжение сил, даже травмы и раны* (Г. Садулаев); *С 29 мая по 1 июня на стадионе «Наука» проходило первенство города по настольному теннису среди КФК. В быстроте реакции соревновались как любители, так и профессионалы. В итоге сильнее и быстрее оказалась молодость. Лучшими в личном первенстве среди мужчин стали: А. Желубенков, Е. Емельянов, Д. Тихомиров* (В. Лихачев); *Скромное желание работать и необъяснимое желание жить – тоже были. Не на что, не с кем, негде, но факт. Вот она, оголтелая молодость: ее притязаниям предела нет* (К. Сурикова); *Все правильно: молодость скачет по тому же кругу, просто на этом кругу у каждого – свои собственные препятствия* (Б. Васильев); *Эра Вадимовна укоризненно погрозила мне пальцем. – Ох, молодость! Никакой разумности* (Д. Донцова); *Аристотель сказал, что молодость не способна к нравовучению, для того что ограничение страстей погубляет семена добродетели и разум делает не способным к рассуждению...* (Н. Новиков).

Обратим внимание на фрагмент, в котором слово *молодость* не несёт обобщающей семантики – обозначает конкретную группу молодых людей: **Мо-**

*лодость танцует при свете звёзд у подножия Олимпа, полосы лунного света ложатся на **извивающиеся тела**, и пегобородые бойцы становятся в круг, стыдливо прячут за спины ржавые мечи и ухмыляются недоверчиво, но всё добрее и добрее, а их ездовые уже готовят колесницы для спортивных состязаний* (В. Аксенов).

ЗРЕЛОСТЬ: *Томятся дети и матери, девушки и старики, нетерпеливая молодость и суровая зрелость* (Б. Васильев); *Юность легче **переносит любовное горе**, чем зрелость* (Д. Липскеров); *Зрелость сто раз **взвесит**, прежде чем на что-то **решился**, а молодость бросается в пучину чувств без оглядки, с головой* (Д. Липскеров).

СТАРОСТЬ: *Это молодых все учат кому не лень, а **старость уважают*** (Л.Петрушевская); *У моей мамы **отвратительное отношение** к моей бабушке <...>, она не стесняется в выражениях и **не уважает старость**, унижает бабушку часто* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум)); – *К сожалению, Россия – это единственная страна, в которой **презирают старость*** («Семья»); *Если бы молодость знала, если бы **старость** могла* («Театральная жизнь»); ***Старость смогла**, но и молодость, оказывается, знала, в чем секрет успеха, не зря любимым лозунгом юных радикалов был: «Будьте реалистами – требуйте невозможного»* (В. Быков, О. Деркач); *И что же увидел в нем режиссер? Будничную историю семьи, в которой **отвратительная старость** ежедневно **заедает** и молодые, и зрелые жизни. Вот так, изо дня в день, в атмосфере вечного испуга и притворства, хамства, скупердяйства и маразматического своеволия течет бытие отдельно взятого семейства* («Культура»); *...**старость** только тогда **имеет право на уважение**, когда молодость нуждается в её опыте* (Б. Васильев); *... **сторонясь от новых и случайных знакомств, он многозначительно цитировал слова Пушкина: «А старость ходит осторожно и подозрительно глядит»*** (А. Кони).

В рассмотренных случаях мы имеем дело с переносом **лексемы-названия** с абстрактного понятия (возраста как свойства человека) на человека – обладателя этого свойства. Приведём пример, иллюстрирующий денотативную и семантическую тождественность наименований возраста и человека этого возраста, когда эти наименования в составе одного предложения выступают как синонимичные: ***Люди в зрелости и в старости с большей отчетливостью представляют, понимают, чувствуют других людей. Не юность и молодость с их неумением определить масштаб, цвет, а именно зрелость*** (В. Шаламов).

Обратимся к **олицетворению** в связи с его ролью в образной концептуализации данной сферы и в связи с механизмом его образования, базирующимся на смежности.

В образном моделировании знаний о возрасте – детстве, юности, молодости, зрелости, старости – в русской речи используются различные метафорические образы. Приведём некоторые примеры: *Одно лишь далёкое **детство** казалось ему **светлым*** (В. Гроссман); *Жалею, что **прошла юность**, и скучаю по себе, молодому* (А. Терехов); *«Кто украл мое **детство**? Кто съел мою юность? Кто гробит и **гложет** мою **молодость**?» — захлебываясь слезами, спрашиваю я, неведомо к кому обращаясь* (В. Астафьев); ***Юность бьётся, кипит, играет в нём и вырывается наружу, как пена искромётного вина из переполненной чаши*** (И. Гончаров); *30 мая 1832 года 20-летний Эварист Галуа, может быть, талантливейший математик XIX столетия, был убит на дуэли своим товарищем, "познаваемым неизвестным", "кучей", поглотившей его тем же модным тогда способом, которым "познаваемое неизвестное" **погловило плодоносную пушкинскую зрелость** и оборвало лермонтовский расцвет* (Ф. Горенштейн).

Особое место среди этих образов по частотности использования занимает олицетворение. Приведём примеры: *Мои мемуары, сколь ни странно, скорее чувственны, чем содержательны. Чаще всего **воскрешаешь детство**, но не события и не открытия* (Л. Зорин); *Пока вы юны, что бы вы ни делали, вы не ошибетесь, **молодость** всегда вас **выкупит** из лап судьбы* (А. Иличевский); *Когда Керри напивался, в нем **пробуждалась молодость*** (А. Иличевский); *А тут и **старость** **подоспела*** («Жизнь национальностей»); *Говорят, **старость милостива** к некрасивым. Возможно, Вarya к старости похорошела...* (И. Грекова); *Но так и быть: **простимся** дружно, **О юность** легкая моя! **Благодарю** за наслажденья, За грусть, за милые мученья, За шум, за бури, за тиры, За все, за все твои дары* (А.Пушкин)..

Олицетворение как перенос **представления (образа)** с человека на возраст как его свойство – характеризуется обратным вектором по сравнению с лексической метонимией (переносом имени возраста на человека этого возраста, см. выше).

Образ человека олицетворяет абстрактное понятие возраста (детства, юности, молодости, зрелости, старости) как комплекса свойств, присущих всем людям в соответствующий период жизни. Выступая в стёртом виде и в виде живых, индивидуально-авторских воплощений, будучи чрезвычайно продук-

тивным средством образной репрезентации возраста, олицетворение концептуализирует эту сферу во многих аспектах.

1. Динамика возраста: *Умирает одна пора, наступает другая, и никогда юность не возвращается в пожилые годы, даже в памяти* (Э. Володарский); *Молодость давно прошла, успехи понемногу забывались...* (В. Запашный); *Говорят, когда уходит молодость, человек обретает то лицо, которое заслужил своей жизнью* (С. Спивакова); *Молодость уходила, выросли дети, а мой муж словно ничего этого не замечал* (Н. Леонов, А. Макеев); *Для Пьетро открылся новый жизненный путь, пришла успешная зрелость* («Мир & Дом. City»); *В издательстве я работал до 1953 года (мне там стукнуло 30 лет, так что на место юности уже пришла зрелость)* (Г. Арбатов); *Старость хороша тем, что вместе с нею приходит мудрость. Но иногда старость приходит одна* (А. Геласимов); *Теперь же, когда пришла старость, мысли о том, что жизнь не состоялась, что конец близок, прочно поселились в его душе* (Н. Винокур); *...если ничего не предпринимать, то ты встретишь старость на руинах дома, который достался в прошлом веке от бабушки* («Даша»).

2. Состояние, самоощущение и мироощущение, типичное для данного возраста: *Их молодость радовалась ещё одному утру, можно ещё раз поднять жестяную кружечку и сказать: "Эх, будь здоров, и тому подобное", и можно жевать капусту, дымить папироской...* (В. Гроссман); *Ликует чужая молодость и обдает животной радостью, как жидкой грязью из-под колес, а потерпевший принужденно улыбается вдогонку, прикидываясь, что в мыслях добродушно благословляет пострелят, когда, на деле, самое время издать хриплый отчаянный крик первой старости...* (С. Гандлевский); *Но молодость неудержимо играла и пела в ее глазах, все в ней вновь казалось ему юным, упругим и здоровым* (В. Валеева);

3. Воспитательное воздействие: *Ясно было, что жизнь без людей – ничто, но все равно я был полон уверенности, что смогу найти те ископаемые флюиды Апшерона, те миражи, возникавшие при взгляде за море, за спину мира, – которые вскармливали мою юность* (А. Иличевский);

4. Воспоминания о более раннем возрасте: *Микояну для этого нужно было оживить в памяти молодость, между революцией 1905-го и Февралем* (А. Архангельский);

5. Деструктивное воздействие, борьба: *Детство отравлено у нас ужасами... Мы знаем, как тягостна, как беспросветна была атмосфера, в которой рос Чехов...* («Наш современник»); *Во всяком случае, пока его не сразили*

болезнь и **старость** (Г. Арбатов); *И самодеятельные танцоры-пенсионеры побеждают старость*, выходят на большую сцену (О. Утешева); *Подружка говорит: – И старость тебя не берет. Смотри, как я усохла* («Жизнь национальностей»); *И старость отступит*, наверно, - *Не властна она надо мной, Когда паруса «Крузенштерна» Шумят над моей головой* (А. Городницкий); *И снова вытащил гантели, начал бегать, и старость опять на какое-то время отступила...* (В. Молчанов, К. Сегура);

5. Другие аспекты: *Простите нас за то, что было, За то, что нам еще взбредет, За то, что молодость бродила Чуть набекрень, чуть поперек* (Н. Бестемьянова и др.); *Давно не бывал я в Донбассе, Тянуло в родные края. Туда, где отныне осталась в запасе Шахтерская юность моя. Далее герой все-таки попадает на родину и там встречает свою юную любовь, которая теперь Седая хозяйка на чистой террасе...* (Е. Попов); *Старость твою стыдить не хочу, а плетюганом взбодрить бы надо тебя...* (А. Левитов).

Помимо приведённых выше продемонстрируем случай индивидуально-авторского развёртывания олицетворения как средство субъективной концептуализации возраста: **Юность** – *еще одна родовая схватка, когда ты снова летишь головой вперед в неведомый мир. Но теперь ты не только орущий младенец, ты еще и разорвавшаяся роженица. Юность — изгнание из рая (детства)* (М. Вишневецкая).

Средствами развёрнутых индивидуальных метафор едва ли не чаще других концептуализируется старость, выражается её экспрессивная, эмоциональная и отрицательнооценочная интерпретация: *Мгновенная старость вдруг овладела им, внезапная старость косматой старухой прыгнула на закорки, завывала, вцепилась в виски, заколотила по глазам* (А. Иличевский); *Я все чаще, все острее Где-то там, в душе, внутри Ощущаю, что старею. За день – прямо как за три. Старость, уличный пьянчуга, Норовит ко мне подсесть И законного досуга Не дает уже провесть. Но ее-то мы обдурим, Уж ее-то – победим. Я присвистну, глаз прищурю И погибну молодым* (М.Хазин).

Сравнивая регулярные явления лексической метонимии (переноса имени возраста по модели *свойство* → *носитель свойства*) и олицетворения (переноса образа человека по модели *носитель свойства* → *свойство*), ещё раз подчеркнём, что мы имеем дело с взаимосвязанными явлениями, базирующимися на одной когнитивной структуре – гештальте «человек во всём многообразии его свойств и сторон» и переносе единиц (слова или образа) на основе отношений смежности между реалиями.

Доказательством мысли об общности происхождения этих двух явлений служат примеры недифференцированного воплощения лексической метонимии и олицетворения: *Очень интересной была встреча с Дэн Сяопином. Встретились мудрая **старость** и молодой задор. Дэн Сяопин держался подчеркнуто доброжелательно, но был немногословен, многие слова и фразы еще подлежали расшифровке* (А. Яковлев); *Ах, **юность, юность**, войной спалённая, в боях изжитая, в бредовых госпитальных палатах пропущенная, — никак ты не хочешь сдаваться без весёлого баловства, без того, чтобы умчаться навсегда, не сверкнув серебряной подковою* (В. Астафьев). В последнем фрагменте первая часть высказывания производит впечатление собирательного значения слова *юность* («юношество, юные люди»), а конец прочитывается как олицетворение абстрактной сущности – «периода жизни», т.е. в целом предложение демонстрирует недифференцированность, диффузность значения слова *юность*.

Ср. аналогичные примеры, в которых тесно связываются оба этих значения («юношество, юные люди» и «период жизни») – конкретный молодой человек осмысляется как олицетворённое эталонное воплощение соответствующего возраста: *Водоём! Этот вечно обновляемый хрустальными подземными водами водоем, он ведь просто услаждал нас в душные наши летние ночи. В ласковых водах его гурбились веселой стайкой озорные пацаны. А наши девушки, невесты, **словно сама Юность**, лежали, кошечки, на хрустком кварцевом песочке. Готовясь к экзаменам или просто предаваясь обычным девичьим мечтам – о будущей трудовой жизни, семье, браке, воспитании детей, правильных отношениях между полами. А вокруг мы, родители. Женщины что-нибудь вяжут из мохера или рассказывают, кто где отдыхал на юге или чего купил – какую обновку для семьи* (Е. Попов); *Видимо, на той же репетиции между Василием Качаловым и Алисой Коонен состоялась такая переписка: «В: Аличка, ну куда же мне до вас? Вы – все жизнь, все – порыв, все – трепет. **Вы – сама молодость**, а я старый, дряблый* (А. Коонен); *Внешность девочки была вполне приемлемая: темные глазки, кудряшки, бантик клетчатый. Просто сердце Николая Романовича на мгновение сжимала темная ревность. Ни к чему нам эти девочки. Впрочем, ему досталось все, о чем только мог мечтать Гумберт Гумберт: золотистое **детство, обращающееся на глазах в юность**, почтительная дружба ученика и полнейшая и доверчивая взаимность, заботливо выращенная гениальным, как оказалось, мастером нежных прикосновений, дуновений, скользящих движений* (Л. Улицкая).

С рассматриваемыми взаимосвязанными явлениями смыкается ещё одно явление – **перенесённые определения** (которые в ряде работ рассматриваются

как самостоятельное явление): исходно они характеризуют лицо, а в результате переноса сочетаются с названиями возраста – лексемами *детство*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *старость*. Другими словами, эти определения в своём функционировании обнажают тесную связь по смежности всё тех же феноменов – человека и возраста как его ипостаси. Приведём примеры.

1. Определения, называющие типичное состояние лица-субъекта в этот период жизни – физическое и эмоциональное, особенности темперамента (*голодное*, *сытое*, *больное*, *весёлое*, *злое* и др.): *Детство было голодным, хотя мне всегда подсовывали лучшие кусочки за столом* (Б. Васильев); *За плечами были и голодная юность, и Колыма, и шарашки* (К. Феокистов); *До выхода на пенсию папаша был не последним человеком в стране, поэтому и старость имел вполне сытую* (Е. Прошкин); *А впереди – одинокая больная старость. Старость – всегда одинокая и больная, даже в окружении детей* (В.Токарева); *В одно мгновение вся жизнь пронеслась перед мысленным взором Анисимова. Босоное детство, горячая юность, дерзновенная молодость, мучительная зрелость* (А. Слаповский); *Представители «свободных профессий», перевалившие на шестой десяток, подсознательно стремились вернуть свою развесёлую молодость, ну если не саму молодость, то хотя бы её дух, её ощущения...* (А. Белозеров); *Злая старость хотя бы всю радость взяла, А душа моя так же пред самым закатом Прилетела б со стоном сюда, как пчела, Охмелеть, упиваясь таким ароматом...* (А. Фет); *Вроде бы одинокая, живет на мизерную пенсию (прямая реплика в наше время) и всем своим видом должна являть униженную и оскорбленную старость («Театральная жизнь»); Виталий в Москве, еще не освободился от Студии, да и от Анны Яковлевны он уехать не может. Грустная и одинокая у него старость* (В. Давыдов); *Впереди – счастливая старость, ибо нет большего счастья, чем служить своим детям* (В.Токарева).

2. Определения, называющие социальный статус лица-субъекта в этот период: *...Глеб ...вспоминал своё беспризорное военное детство и дерзкие проделки...* (А. Варламов); *Но где моя бездомная молодость, мое скитальчество, где Като?* (Л. Зорин); *Последняя в ее жизни собака - дворовый Мальчик - скрасила одинокую старость Фаины Георгиевны, когда она жила в Южнинском переулке* (А.Щеглов); *И детство мое прошло без семьи, и молодость была одинокой* (Л. Зорин).

3. Определения, называющие особенности внешности лица-субъекта в этот период: *Босоное детство – для кого-то давным-давно набившая оскомину, затасканная поэтическая метафора* (Р. Ахмедов); *Неведомы человеку*

собственные времена года: ни **румяное детство**, ни розовая заря юности, ни могучая зрелость, ни подведенный итог: законченная географическая карта всех страстей и страданий до полной готовности к смерти (З. Плавинская); К тому же недлинному периоду следовало отнести и первые книжки, школьных товарищей и отнюдь не зловредных учителей, но все равно, обратно в детство она не рвалась, не привлекала ее и **прыщавая нескладная юность**, воспоминание о физической, эмоциональной и интеллектуальной, словом, полной, хотя и не осознаваемой недоделанности нагоняло на нее ужас, один вид крикливых подростков, с их неестественным, демонстративным поведением, заставил бы, по ее мнению, любого нормального человека содрогнуться при одной мысли о возвращении в подобное состояние (Г. Маркосян-Каспер).

4. Определения, называющие особенности характера и поведения лица-субъекта в этот период: – *И от всего-то вы отмахиваетесь, – мило улыбнулся старичок. – Самоуверенная молодость...* (М. Дяченко, С. Дяченко); *Но мама не стала отягощать Колюнин грех и ничего не передала ни дяде Толе, ни Людмиле Ивановне, да и вряд ли прошедший через голодное и хулиганистое послевоенное детство дядюшка удивился бы или огорчился* (А. Варламов); *Я думаю, это трудная, но не униженная и неспособная унизиться юность помогла моей матери впоследствии перенести многое, от чего можно было сломаться* (Ф. Искандер); *Романтическая юность и честолюбивая молодость остаются позади* (Б. Кенжеев); *Верно, сказывалась лихая механизаторская юность на родном Ставрополье* (Б. Грищенко); *У меня была очень беспутная юность. Я вел совершенно неправильный образ жизни, и многие считали, что я окончу свои дни где-нибудь в сточной канаве или в тюрьме* (Н. Трофимова); *Вообще в нем неуловимо сочетались самые противоположные качества: умудренная зрелость и детская наивность, неутомимость и резкие перепады настроения...* (Е. Парнов).

Приведённые фразы на фоне дифференциации лексической метонимии и когнитивной метафоры (олицетворения) не обнаруживают, по нашему убеждению какого-либо принципиального отличия от них (кроме синтаксического статуса соответствующих лексем). В своём большинстве они фактически представляют примеры лексической метонимии: *голодное детство, прыщавая и нескладная юность, развесёлая молодость, больная старость* и под. В других случаях результат переноса определения по смежности воспринимается как метафора: *честолюбивая молодость остаётся позади; неспособная унизиться юность помогла моей матери впоследствии перенести многое*. В последнем

случае, однако, метафорическое осмысление возраста задаётся не определением, а сказуемым: *молодость остаётся позади; юность помогла моей матери перенести лишения*. При этом некоторые примеры вне более широкого контекста не поддаются однозначной лингвистической квалификации (олицетворение возраста или метонимическое употребление названий возраста в значении «люди соответствующего возраста?»), например: **Одинокая, нелюбимая, безрадостная молодость стояла у порога** (С. Довлатов). Возможность двоякого прочтения таких выражений также связана с возможной двойной интерпретацией именно семантики предиката *стояла у порога*: буквальный смысл, относящийся к реальному лицу, либо метафорический смысл «наступала», относящийся к возрасту.

Показанные явления лексической метонимии, олицетворения (когнитивной метафоры) и перенесённого определения эксплицируют связь двух феноменов – человека и возраста как его свойства в процессах вторичной номинации и образной концептуализации сферы человека в аспекте возраста.

В рамках показанной картины **человек** выступает в разном качестве: в одних случаях как объект косвенной номинации при использовании названий возраста (ЛСВ «люди соответствующего возраста» в значениях слов *старость, молодость, юность, детство*), в других – как предмет, с которого переносится определение на возраст (*самолюбивый человек* → *самолюбивая юность*), в третьих – как образ (представление о человеке) в качестве ключевой метафоры для концептуализации абстрактного понятия «возраст» (*их молодость радовалась ещё одному утру...*). **Абстрактное понятие возраста** в этих случаях выступает соответственно как исходное значение слова (*юность* и др.), используемого для косвенной номинации человека соответствующего возраста, как объект, характеризующийся перенесённым определением (*самолюбивая юность*), как объект метафорической концептуализации (*их молодость радовалась ещё одному утру...*).

В заключение обратим внимание на очевидный парадокс и попытаемся дать ему объяснение. Парадокс заключается в том, что, как было показано, одно и то же ментальное основание – смежность представлений о человеке и любой его ипостаси – порождает столь разные языковые явления, как *метонимия* и *метафора*.

Перенос названия с возраста на человека имеет результатом образование метонимически производного значения, т.е. **лексическую метонимию** (*Любви все возрасты покорны; Юность не посрамила славы отцов*), а перенос представления с обратным вектором (с человека на возраст), то есть также по мето-

нимической логике, порождает **когнитивную метафору** (*На место юности уже пришла зрелость*).

Мы предлагаем этому следующее объяснение. Результат переноса по метонимической логике – метонимический или метафорический характер созданного в результате переноса языкового явления – определяется не основанием, обеспечившим отождествление, или вектором переноса (на основе смежности двух сущностей в их восприятии сознанием), а исключительно *типом переносимой единицы – слова или представления (образа)*. В случае переноса по смежности *слова* наблюдается явление лексической метонимии. В случае переноса по смежности *представления (образа)* возникает метафора (когнитивная метафора).

Через взаимосвязь лексической метонимии и когнитивной метафоры на ментальном уровне, которая обеспечивается связью обоих явлений с единым гештальтом (комплексом знаний о реалии и кодирующего их в ментальном пространстве образа УПК), который в свою очередь есть продукт деятельности двуполушарной структуры коры головного мозга, – объясняется их «соседство» в языковой системе: концептуализация какого-либо денотативного участка с помощью когнитивной метафоры, по нашим наблюдениям, как правило, сопровождается регулярным проявлением на этом же участке лексической метонимии, «соединяющей» переносом те же феномены, что и когнитивная метафора (сфера эмоций, интеллекта, власти, семейных отношений, астрономического (суточного и годового) времени). См. об этом подробнее в [Илюхина, Долгова, Кириллова 2012].

В свете сказанного получает объяснение и рассмотренное выше перенесённое определение: в одних случаях оно явно воспринимается как метонимическое по своей природе, в других – как метафорическое, что подтверждает высказанный тезис об общности генезиса трёх явлений.

Во всех трёх явлениях начальным актом, актом обязательным, неустрашимым, системным, является отождествление двух реалий в сознании на основе их смежности, предшествующее языковому оформлению этого отождествления в виде переноса слова-названия или переноса образа. Подчёркнём, что сам акт метонимического отождествления двух реалий происходит стихийно, незаметно для говорящего – как следствие смежности этих реалий. Это этап работы когнитивных бессознательных процессов в ментальном пространстве (см. об этом подробнее [Илюхина 2012]).

В проекции на язык это отождествление может иметь два языковых проявления – лексическую метонимию и когнитивную метафору.

Лексическая метонимия представляет собой более простое явление – начавшись с отождествления двух реалий на когнитивном уровне, оно завершается созданием (в результате переноса) второго имени для реалии, уже имеющей имя, и выполняет свои, специфические на фоне метафоры функции – главным образом, технические: экономия языковых средств и т.п. Метонимия не создаёт нового значения, она исключительно технологична и потому обычно не осознаётся говорящим (это не исключает возможного экспрессивного эффекта при *сознательном* порождении метонимического выражения).

Для когнитивной метафоры отождествление двух реалий на когнитивном уровне служит толчком к её образованию. Далее следует этап интеракции знаний о двух реалиях (фокусировка и отбор) и *порождение нового смысла*. Смыслорождающая функция и является главной для когнитивной метафоры, она реализуется не на бессознательном уровне, а при осознании отождествления двух гетерогенных реалий (абстрактной и чувственно-конкретной) и поиске между ними общих признаков. Именно обнаружение, а точнее сказать – *создание – сходства* и знаменует рождение когнитивной метафоры. Её настоящее становление связано с варьированием образа (прежде всего лексическим и семантическим) в целях разносторонней концептуализации абстрактной реалии в логике данного образа. В этом заключается главная функция этого типа метафоры – функция концептуализации знаний об абстрактной реалии. См. об этом подробнее [Илюхина, Долгова, Кириллова 2012].

Выше мы обратили внимание на противоположность векторов переноса, характеризующих когнитивную метафору и соотносительную с ней лексическую метонимию.

В сфере лексической метонимии обычно наблюдается перенос с вектором *часть → целое*, имеющий целью конкретизировать тот аспект человека, о котором идёт речь, и выразить это экономным, однословным способом (*Она – воплощённая совесть; Над проблемой работали несколько умов; В город приехал известный тенор; В спортивном забеге победила не молодость, а выносливость* и под.: человек в моральном аспекте; человек в интеллектуальном аспекте; человек в вокальном аспекте; человек в возрастном аспекте).

В сфере когнитивной метафоры, которая по своему назначению является средством концептуализации абстрактного феномена по образу и подобию феномена конкретно-чувственного, естественно наблюдается перенос с противоположным вектором – *конкретное целое* (представление о человеке) → *часть целого*. Именно этой опорой на наиболее **близкий, смежный** конкретно-

чувственный образ и объясняется регулярный характер такой метафоры как средства концептуализации данной абстрактной реалии, её статус **ключевой, базовой метафоры**.

Библиографический список

1. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Николай Иванович Жинкин. Язык – речь – творчество. (Избранные труды). Изд-во «Лабиринт», М., 1998. С. 146 – 162.
2. Илюхина Н.А. Образование и функционирование когнитивной метафоры в аспекте осознаваемости-неосознаваемости говорящим // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. № 8/1 (99). С. 111 – 118.
3. Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологические и когнитивные аспекты. Монография. Изд-во Palmarium Academic Publishing, 2012. 184 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Л.Б. Карпенко (Российская Федерация, г. Самара)

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Пространство, являясь важнейшей онтологической категорией, не может не иметь многоуровневой языковой вербализации. В русском языке оно находит свое отражение в категории локативности (пространственности), получающей формальную репрезентацию на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях. В высказывании *Мы выходили из дому и спускались с горы* задействованы средства всех этих уровней. Не только пространственность в русском языке подробно детерминируется языковыми средствами разных уровней, но данная понятийная категория служит основой для оформления других понятийных сфер (временной, причинной, целевой, сферы восприятия, характеристики ментальной деятельности человека и др.).

Лингвистический аспект категоризации пространственности состоит в определении степени ее «присутствия» в языковой картине мира и выраженности в языке. Понятие *картина мира* относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику взаимоотношений человека с миром. В широком смысле